

Литературная

РЯЗАНЫ

2021

пол собой жужу, кочуют друг другу навстречу, потом устремляются вверх, оседают и вновь ульивают неизвестно куда, словно заползают под тучные пни и укутываются в них.

А когда поднималась зоря и живые струи лучей сочились сквозь облака, которые растянлись как губы в хохоте, он вдруг заплакал. Слезы сами катились, и он все никак не мог с ними справиться. Это над ним, дурным, хамливым человеком смеялась природа. Так нелеп он был здесь, среди желтого и красного, в белой когда-то, залапанной, прилипшей к телу рубашке, грязных, мокрых брюках, озябаний, запутавшийся в дороге и в себе самом.

Зоря поднималась вольно, выбирая самые неправдоподобные цвета. — надрета облака, лепила из них то корабли, то невероятные небесные небереги и — ломала ночь.

И вспомнились Лехе давние зори, когда все друзья его юности были с ним, когда были живы и мать с отцом, и бабушка с дедом... Подумал о Тине. Как он ухлестывал за ней! Ведь и цветы дарил! И теперь вдруг ясно почувствовал, что не сможет жить так непутево, бестолково, как жил последние годы. Те давние зори летели навстречу, жгли росой, и он смело прохрипел себе под нос: «Я вернулся!»

И вдруг вспомнил людей в автобусе, но без зла. Даже почувствовал благодарность к ним за то, что высадили. Ведь, не случись этого, разве стоял бы он сейчас тут, в этом знобящем зареве, счастливом зареве, вместе со всем своим прошлым и будущим...

Поэзия

*Владимир СИЛКИН,
член Союза писателей России, г. Москва*

ГЕНИЙ

Я обвинений гнусных не терплю,
В который раз ответить остается,
Что не полезет гений сам в петлю
И ни за что на свете не сопьется.

Достоин гений Божьего суда,
Конечно, пил и доходил до точки.
Но кто ж ему давал всю жизнь тогда
От суицида страшного отсрочки?

Вот канделябр. Вот мясна. Вот итог.
Какие, к черту, это с жизнью счеты?
Не мог, я повторяю, он не мог
Залезть в петлю, когда полно работы.

ПОДВОДА

Остановится подвода,
Я в телегу заберусь.
— Ты, земляк, с какого года?
Ну, сиди, а я пройдуся.

И пойдет с подводой рядом,
Тронув лошадь за узду.
Лет монах ему не надо.
— Ты сиди, а я пойду.

Переедем через речку,
Через поле, через лес.
Вею дорогу ни словечка,
Будто я куда исчез.

Так и ехали до дома
Я сидел, а он шагал,
Этот малый незнакомый
Жить кобыле помогал.

Лошадь встала у колодца,
Оппивается водой.
— Заходи, когда придется,
С грустью, с радостью, с бедой!

НЕБОЖИТЕЛИ

Олегу Григорьеву

Как-то весело, но споро
Жизнь в подвале пронеслась.
И Москва, любимый город,
Опила водкой власть.

И пускай осталось мало
Тех, кто регулярно пьет.

Небожители подвала –
Нестареющий народ.

И уходят незаметно
И сегодня, и вчера,
Только помнятся конкретно
Лица их и вечера.

Жизнь и славу раздавала,
И разгромные статьи...
Небожители подвала,
Драгоценные мои.

МЕТЕЛЬ В МОСКВЕ

Метель, метель... И ни конца, ни края
Моей тоске, как снегу за окном.
Живу себе, другим не доверяя
Стихи, что появились перед сном.

Кому нужны печаль моя и скука?
Глядит в окно усталая луна,
А в комнате натопленной ни звука,
Мешающая думать тишина.

Метель, метель... Уже вторые сутки.
И места нет на небе синеве.
И ходят, как бездомные, маршрутки
По снегу, по метели, по Москве.

ЗИМНЕЕ ПЕРЕДЕЛКИНО

I.
Протянешь руки – снег седой,
И тучи над тобою мчатся.
Ведь так недолго и с бедой
Зимою снежной повстречаться.

Не видно впереди ни зги,
Срывает шапку встречный ветер.
И вдруг... ни ветра, ни пурги –
И тишина на белом свете.

Сплошная белая постель,
На сотни верст почти ни звука.
И страшно мне, а кто в метель
Протянет в чистом поле руку?!

II.
Ничего зиме не надо,
Только в радость вечно ей
Снегопады, снегопады
И морозы до костей.
Вся Россия побелела,
Вся пушистая она,
Оплыла, отяжелела
Под сугробами страна.

И приходит между делом
Мысль дурацкая одна –
Хорошо быть в жизни белым,
Промерзать, как пруд, до дна.

Небо рядом, тучи рядом,
Белым днем сплошная тьма.
Снегопады, снегопады...
Переделкино. Зима.

КРЕЩЕНЫЕ

Святой водой наполню фляжку.
Мне фляжки хватит одному.
И я пойду с водой по Рязеку
От церкви к дому своему.

И с доброй верой в очищение
От скверны, что живет во мне,
В канун морозов и Крещенья
В родной рязанской стороне

Все в доме окроплю из фляжки,
Чтоб не навлечь в него беду.
Когда еще я буду в Рязеке,
Когда в Крещенье попаду?!

* * *

Так и умру на постели
И не увижу итог,
Как там душа моя в теле
Молча уйдет за порог.

Это у каждого будет,
Речь-то сейчас не о том.
Вспомнят ли близкие люди
Голос мой грустный потом?

Я в послесмертье не верю.
Что там хорошего ждет?
Вот и душа возле двери
Встала, никак не идет.

Да и куда торопиться?
Некуда мне опоздать.
Есть за кого заступиться,
Жизнь, если надо, отдать.

ВЕК ЦИФРЫ

Последние метели февраля,
Последние безудержные стаи.
Боюсь, что остановится Земля,
Бумажных книг ночами не читая.

Боюсь, уйдут и Гоголь, и Толстой,
И Бунин не оценит больше Блока.
И страшно мне, что именно зимой
Бумажным книгам станет одиноко.

Век цифры неизбежен и горяч,
На все дает конкретные ответы,
Но он не защитит от неудач,
И в нем не будет ни души, ни света.

Я прячу книги, хоть и больно им
Покинуть землю сказочную эту.
Ну а пока мы с книгою стоим,
Не научившись жить по Интернету.

КНИГИ

Не прогоняйте книгу на мороз,
Не трогайте ни Пушкина, ни Блока.
Пока вы с ними плачете до слез,
Не будет вам на свете одиноко.

Из книги можно совесть почерпнуть,
У книги можно счастьем научиться.
Читайте книги, и укажет путь
Засаленная пальцами страница.

Не оставляйте книгу на ветру,
Не доверяйте ни дождю, ни снегу.
Я точно знаю – без нее умру,
Уткнувшись в безразличие с разбегу.

ЖУРАВЛИ

Провожая взглядом журавлей...

Арвид Скалбе

Журавли когда-нибудь вернутся
И воды напьются ключевой,
Воздухом родимым задохнутся
И нектаром пахнувшей травой.

Дома все лечебное до боли –
Старый пруд и пряди камыша.
Улетают, расстаяют с полем
И кому-то машут не спеша.

Я гляжу в простуженные дали,
Слышу шорох невесомых крыл.
Эту землю, как они, едва ли
Кто-нибудь так бережно любил.

Потому весною и вернутся,
Чтоб вдохнуть все запахи земли.
Но они в разлуке не согнутся,
Не забудут дома журавли.

ХЛОПОК

Лежит он белый, как туман...

Берды Кербабаев

Легче пуха, белес снега,
Запах родины от него.
Сколько б я от него ни бегал,
Нет прекраснее ничего.

Как увижу, так бью поклоны
Полю белому своему.
Сколько лет ему? Миллионы!
Столько не было никому.

Не кончается это поле,
Словно солнцу, износа нет.
Через тернии, через боли
Я шагаю на белый свет.

ЖИЗНЬ МОЯ

И пусть тебе уже осталось мало...

Самвел Григорян

Мало осталось, мало
Троп, где не встретишь зла.
Как же ты, жизнь, устала,
Как ты легко прошла!

Я доносил шинели,
Я отслужил чины.
Жизнь моя, неужели
Можно без тишины?

Сяду на лавке в сквере,
Ветер обдаст листвою.
Жизнь моя, я не верю,
Что до сих пор живой.

МОЗОЛИ

Слава вам, руки в мозолях.

Валентин Рошья

Я предан отцовскому полю,
Покуда судьбою храним.
Крестьянские руки в мозолях
Целую и кланяюсь им.

Мозоли, они от лопаты,
От вил они и топора.
Они на руках – как расплата
За доброе дело с утра.

Нельзя их, болезных, стыдиться
И прятать от глаз за спиной.
Привыкли и будут трудиться
И праздновать в поле весной.

А поле, отцовское поле,
Не сможет вовек зарасти,
И эти святые мозоли
Лишь может земля унести.

МЕД

Пчелиный рой висит пахучей гроздью.

Максим Рыльский

Пчелы не летят на север,
Пчелы обожают юг,
Где от меда млеет клевер,
Где дает работу дуг.

Вот и речка, вот гречиха,
Вот медовые дела.
Никогда не будет тихо
Там, где трудится пчела.

И всю жизнь она с народом
И, как русский мед, светла.
Только там, где пахнет медом,
И жужжит весь день пчела.